

CERIA

Аналитический
обзор

№. 2

Октябрь 2014

Роль ислама в жизни центрально-азиатских мигрантов в Москве¹

Софи Рош

Резюме:

В Москве, где проживает два миллиона мусульман и около двух миллионов рабочих-мигрантов, есть только четыре мечети, и муниципальные власти неоднократно отказывались строить больше мечетей, несмотря на острую потребность в них.

Многие молодые люди становятся практикующими мусульманами во время своего пребывания в России. На базарах России ислам становится важным средством организации жизни, а также обеспечивает соблюдение гигиены и моральных норм. Через ислам молодые таджикские мужчины приобретают позитивное восприятие своего униженного рабочего быта и становятся религиозными практиками.

Мечети все чаще используются и понимаются как центр социальных, образовательных и политических мероприятий. После молитвы активисты собирают вокруг себя многочисленные группы людей, стремящихся узнать больше информации по различным вопросам, особенно связанным с миграцией и политикой в мусульманском мире, и эти темы обсуждаются и открыто дискутируются.

Инициатива 'Центральная Евразия - Религия в международных делах' (CERIA) ставит целью содействие лучшему пониманию религии в Центральной Евразии. Инициатива финансируется Фондом Генри Люса

Софи Рош – младший руководитель исследовательской группы Центра Карла Ясперса по перспективным транскультурным исследованиям при Гейдельбергском университете. Среди последних публикаций: *Domesticating youth. The dynamics of youth bulge in Tajikistan* (Берган, 2014). Она изучает религиозные практики среди таджикских мигрантов в России.

The opinions expressed here are those of the author only and do not represent the Central Asia Program.

Россия находится между Европой и Азией, из-за этого расположения она всегда рассматривает себя как связующее звено между Востоком и Западом. Об этих отношениях было написано много. Хотя окончание советского периода побудило Россию ориентироваться на Запад в сфере экономических отношений, политика путинского режима подчеркивает, что Россия продолжает тесно сотрудничать с Азией и с мусульманским Востоком. «Все это происходит в связи с тем, что мы рассматриваем сотрудничество с мусульманским миром в качестве одного из наиболее важных национальных интересов России», (Примаков на 2-ой конференции «Россия и мусульманский мир» в 2008 году)². Однако, как пишет Роман Силантьев (2007)³ в своей книге «Новейшая история ислама в России (Политический бестселлер)» ядро русской нации остается православным, в то время, как идеи «русской цивилизации» действительно включают ислам. Есть существенная разница между тесными политическими отношениями России с мусульманскими странами Ближнего Востока и отношениями с собственным внутренним мусульманским миром.

Российские политики не уставая подчеркивают свои хорошие отношения, с одной стороны, с исламом, представленным среди российского татарского населения, а с другой стороны, с несколькими мусульманскими странами Ближнего Востока. Тем не менее, в то время как политологи подчеркивают заинтересованность России в хороших отношениях с исламом и мусульманским миром, они осуждают формы мусульманства, которые выходят за рамки этого узкого определения (татары и мусульмане Ближнего Востока). К тому же чеченский народ (представители которого являются законными гражданами Российской Федерации), рассматриваются скорее, как иностранный элемент и проблема, а не часть российского ислама, не

говоря уже о мигрантах из Центральной Азии, которых рассматривают как весьма проблематичное население. По мнению таких авторов, как Ю. А. Гаврилов, А. Г. Шевченко (2010)⁴, страх по отношению к мигрантам-мусульманам (включая чеченцев и других представителей Северного Кавказа) занимает даже центральное место в опросах исследовательских центров («Религия в современном обществе»).

Представление России об исламе связано с пониманием положения мигрантов в дискуссиях и ключевой ролью, которую Россия играет в исламе в сегодняшней Азии. В этой статье, однако, я меньше концентрируюсь на макрополитике России, а вместо этого уделяю внимание вопросу о жизни и опыте выходцев из Центральной Азии (особенно, таджиков) в качестве экономических мигрантов в России. В России сам термин "гастарбайтер" (guest worker), который используется для обозначения мигрантов исключительно из Центральной Азии, подчеркивает экономический подход к проблеме. Мигранты из Центральной Азии редко рассматриваются через призму религиозной терминологии, используемой в большей части литературы, исследующей такие темы.

Тем не менее, исследователи и представители власти рассматривают любой конфликт в самой Центральной Азии, как имеющий связь с радикальным исламом (события 2005 г. в Андижане, 2010 г. в Гарме и т.д.). Таким образом, центрально-азиатские мигранты рассматриваются как мусульмане, но при приезде в Россию они сталкиваются с вызовами, связанными с их экономическими интересами и культурным происхождением. Как гастарбайтеры, они стали важнейшей политической проблемой и, следовательно, их мусульманство рассматривается как угроза мирному, доморощенному («своему») татарскому исламу и «исторически хорошим

взаимоотношениям с основными мусульманскими странами».

Мигранты и мусульмане в России

Когда мы говорим об исламе в России, мы в основном представляем татар и жителей Кавказа, а не мигрантов. Сегодня мусульманское население России составляет около 20 млн человек, которое включает в себя татар, а также всех мусульман Кавказа (Чечня, Дагестан и т.д.). Эти группы населения уже давно жили в составе Российской империи, но их история представляет собой совсем другую тему. Ориентация Центральной Азии (персоязычных и тюркоязычных жителей), за исключением Казахстана, на северное направление, а не на мусульманский юг и запад является, с исторической точки зрения, новым явлением, начавшимся в XVIII веке и более четко определившимся в XIX веке. Данная ориентация началась вместе с утверждением российских колониальных интересов в регионе, когда Центральная Азия стала центром борьбы между Британской и Российской империями. В 20-е годы XX века было образовано пять отдельных советских республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) - и они были неотъемлемой частью Советского Союза до 1991, когда одна за другой республики заявили о своей независимости.

В советский период образовательная миграция между Россией и Центральной Азии была двойкой: студенты отправлялись на север для получения высшего образования в светских дисциплинах, в то время как россияне отправлялись на юг для получения религиозного образования и с целью развития региона. Например, великий муфтий России Равиль Гайнутдин получил религиозное образование в медресе в Бухаре⁵. Для Центральной Азии Россия была центром советской империи, и

желающие сделать карьеру в своей собственной стране отправлялись туда на время: для того, чтобы выучиться или приобрести опыт. В то же время Бухара была исламским центром в российском представлении и занимала почетное место среди тех, кто желал получить религиозное образование. Поэтому во многих постсоветских странах сегодня есть религиозные элиты, которые получили образование в Центральной Азии.

Сегодня в России существует около 6000 мечетей, куда приходят молиться около 20 миллионов официально идентифицирующих себя мусульман, число, которых, по мнению аналитиков, уже в последние 15 лет увеличилось на 40%⁶ - не считая мигрантов - и многие из этих мечетей возглавляют имам-хатибы (проповедник, который возглавляет совместную молитву и проводит пятничную проповедь) из числа таджиков, чеченцев или татар⁷. Москва имеет только четыре мечети, и мэрия города неоднократно отклоняла все предложения по строительству дополнительных мечетей, несмотря на острую необходимость⁸. Мечети Москвы переполнены и каждую пятницу несколько дорог вокруг мечетей перекрываются во время молитвенных часов. Одна из причин, по которой дополнительные мечети не сооружаются, является то, что работники большинства мечетей являются (не приветствуемыми) мигрантами, а не гражданами России.

Когда мы говорим о миграции из Средней Азии в Россию, мы говорим о нескольких миллионах человек, от 30 до 60 процентов трудоспособного населения Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана, или от 1,5 - 2 млн таджиков из населения, превышающего 7 млн. Таким образом, миграция является массовым явлением, которое ускорилось в 90-е годы XX века. Исследования миграции, особенно экономических аспектов, показывают, что мигранты отправили 2,6 млрд долларов в 2008 году, что составляет 52

процента валового внутреннего продукта Таджикистана, это только один пример⁹. В 2012 году в России находилось 4,8 млн мигрантов из Центральной Азии¹⁰. В 1990-е годы большинство мигрантов состояли из русских из бывшего Советского Союза, переселявшихся в Россию, но такая миграция резко сократилась, что позволило Центральной Азии стать основным источником мигрантов в Россию. В 2011 уже 40,95% мигрантов в России приехали из стран мусульманского большинства¹¹. Согласно данным Всемирного банка, денежные переводы таджикских мигрантов составили 47% от ВВП страны в 2011 году, таким образом, Таджикистан возглавил список стран, лидирующих по поступлениям денежных переводов от мигрантов¹².

Мигранты из Центральной Азии работают в основном в строительном секторе, в бизнесе (например, базарах) и в секторе государственной службы (в основном подметают улицы, убирают мусор). Такая работа носит ярко выраженную пост-колониальную форму и, следовательно, вопрос о чести и статусе, очевидно, является важным. Борис Нийсванд¹³ в своей книге о миграции и религии среди мигрантов из Ганы упомянул, что мигранты проходят через унижение во время трудовой миграции, но с высоко поднятой головой возвращаются к себе на родину. Для таджикских мигрантов важно не только добиться экономического успеха (сегодня это редко удается), но и обратиться к религиозным ценностям (что может помочь достичь независимости от экономического статуса). Интервью с мигрантами, особенно из Таджикистана и Узбекистана, подтверждают, что многие молодые люди стали практикующими мусульманами во время пребывания в России. С одной стороны, на это их натолкнули враждебность русских и социальный контекст. С другой стороны, их религиозная идентичность стала главным фактором этнической границы, в рамках

которой к русским предъявляются требования уважать честь и достоинства мигрантов, и мигранты считают, что русские злоупотребляют алкоголем. Это религиозная идентичность, следовательно, вначале формируется на основе прямого контакта с другими мусульманами, во-вторых, с русскими-христианами и нехристианами, и в-третьих, в виртуальном контакте. В дальнейшем я буду использовать некоторые конкретные примеры, чтобы отобразить социальное поле, в котором мигранты живут и формируют свое мнение об исламе. Таким образом, я утверждаю, что в России существует конкретный контекст, предлагающий мигрантам способ сохранить ислам в качестве моральной грани для оценки отношений и постоянно помогающий им реадaptироваться к быстро меняющейся социально-экономической и политической ситуации. Для ясности я приведу результаты этнографического обследования на московском базаре.

Базары как платформы религиозного обучения

Базары являются неотъемлемой частью постсоветской экономики, так как они являются основными местами, в которых экономика продолжает функционировать и постоянно адаптироваться к быстро меняющимся условиям и законам. Москва окружена базарами, где товары ввозят и вывозят. Наряду с созданием европейских рынков (Ашан, Saturn, Media Markt, Real и т.д.) в последние пару лет число базаров быстро снизилось, что является результатом нежелания строить новые базары мэрии города Москвы. После закрытия в 2010 году Черкизского рынка, не самого большого среди себе подобных, конкуренция среди базаров стала расти. Руководители базаров больше не в состоянии обеспечить преимущество, и базары регулярно закрывают на некоторое время или навсегда, а некоторым даже не удается открыться.

Базары это микро-государства в том смысле, что имеют свою иерархию, аппарат безопасности, жилье и т.д. Центральная Азия широко представлена на всех уровнях от ОМОНа до аробакашей (подвозчики груза). Некоторые из базаров предлагают жилье для аробакашей и бригадиров, которое в основном представляет собой контейнеры для проживания от 6 до 12 человек. В этих контейнерных деревнях ислам становится основным способом организации жизни, а также обеспечивает соблюдение гигиены и моральных норм. Другими словами, ислам организует общественную жизнь. Хотя практикующие не всегда молятся и тем более не всегда находятся вместе, они устанавливают рамки поведения.

По мнению таджикских мигрантов, являющихся аробакашами в большинстве контейнеров, люди регулярно молятся или по крайней мере делают это во время месяца Рамазана. То же самое относится к бригадам строителей, которые молятся часто под руководством человека, который совершил паломничество-хадж. Ритм ислама соблюдается посредством регулярной молитвы, это способ навести порядок в своей жизни, крайне небезопасной и неупорядоченной. Постоянно существует риск ареста или депортации мигрантов со стороны полиции, они прекрасно знают о своей уязвимости со стороны российских властей, и их земляки часто используют их и обманывают, не выплачивают им заработную плату. Сегодня очень мало политически активных мигрантов, которые могли бы противостоять незаконным методам полиции, мигранты из Центральной Азии вместо этого предпочитают положение религиозных мучеников.

С помощью молодого таджика, сопровождавшего меня во время посещения базара, я познакомилась с «религиозными авторитетами». Одна группа состояла из трех молодых людей, одетых в простые белые

свободные одежды давачей (Таблиги Джамаат). Эти авторитеты вместе управляют магазином и одну треть своего времени проводят на базаре, остальное время оставляют для призыва («дават») и для своих семей, оставшихся в Центральной Азии. В другом месте стоит человек без явного дела, который разговаривает с другими таджиками. Его брюки приподняты выше щиколотки. Он является практикующим салафитом, отвергающим любые другие виды религиозной практики, кроме Корана и хадисов, и он убеждает ребят, что ислам является сам по себе культурой (что не существует таджикского ислама). Эти авторитеты открыты для всех во время дискуссий, например, когда молятся вместе с другими. Это часто случается во время Рамазана или во время дискуссий. Суфиев невозможно определить по внешности, но можно узнать о них от других. Среди таджиков на базаре трудно найти члена Хизб ут-Тахрир, по причине того, что большинство членов этой организации имеют высшее образование и активны больше на политическом уровне - их можно найти вокруг мечетей.

Сопровождающий меня молодой человек знаком с ними, и он проводит свое свободное время вместе с ними в дискуссиях об исламе. Рабочая нагрузка на базаре позволяет делать длительный перерыв, и молодой человек может позволить себе пойти на встречу с друзьями, работающими продавцами, как он сам и его старший брат. В отличие от московских улиц, улицы базара безопасны для него уже более пяти лет. Он выходит на московские улицы исключительно по административным делам (чтобы продлить свое разрешение на работу и регистрацию), остальное время базар - его мир, где он живет и трудится, начиная с пяти утра до семи вечера. Затем он со своим братом едет обратно на квартиру, молится, ест и спит.

Религиозные авторитеты (по словам информатора) - каждый со своей точки зрения - отвергают ислам как этнический компонент. Вместо этого они предпочитают дискурс, утверждающий, что ислам - это универсальная концепция, которая объединяет самые разные этнические группы и обеспечивает безопасность, справедливость и моральную концепцию для политики и общественной жизни. Они считают Россию хорошим местом для свободы вероисповедания и утверждения права на свою веру. Хотя некоторые иногда признаются, что у них есть русская жена и таджикская жена после возвращения в Таджикистан. Любая этническая критика отвергается, учитывая, что несколько миллионов россиян являются мусульманами¹⁴.

Тем не менее, в то время как вышеупомянутые авторитеты выступают за определенное направление в исламе, большинство молодых людей (как и мой информатор) сохраняют свое представление об исламе, тесно связанное с Таджикистаном. Так, любой вопрос или разногласие среди юношей завершается звонком или обращением по почте Эшони Нуриддинджону в Таджикистане, чтобы получить его мнение. Эшони Нуриддинджон является влиятельным религиозным авторитетом из известного духовного рода в Таджикистане, который использует интернет для общения с молодыми таджиками по всему миру. С ним консультируются тысячи таджиков и, когда он посещает Россию, он встречается с мигрантами.

Многие рабочие и этнические группы делают базары Москвы и Подмосковья уникальными микромирами религиозного взаимодействия. Ислам не представляет собой народ, но экономические отношения и множество форм ежедневных взаимодействий. Однако религиозность постоянно присутствует, ломая экономические иерар-

хии (торговцы относятся с большим уважением к муллам аробакашам), определяет эмоциональные отношения (между представителями обоих полов или среди различных этнических групп) и присутствует в отношениях с семьей после возвращения в Центральную Азию (компенсация за унижительные условия труда).

Социальная и экономическая область базара не подвластна религиозным правилам, нельзя определить какую-то этническую группу более религиозной, чем другую. Вместо этого люди постоянно и творчески интерпретируют свои отношения с другими и используют ислам как способ построения качественных отношений. Порой это делается, чтобы дистанцироваться от чувства унижения или от экономической или социальной изоляции, в то время как в других случаях это делается, чтобы восстановить связь с людьми другого происхождения. Таким образом, можно одновременно работать на базаре и не быть религиозным, многие молодые люди из Центральной Азии действительно поддерживают контакты с религиозными людьми в разное время. Тем не менее, следует отметить, что ни ислам, ни этническая принадлежность не толкает мигрантов из Центральной Азии к тому, чтобы создавать более крупные сообщества с определенным политическим влиянием.

Политический ресурс «Ислам»

Как правило, выходцы из Центральной Азии не были политически активными в России, даже тогда, когда дело доходило до отстаивания их прав. Обычно они являются мячом в руках российских властей и в выборах мэра 2013 года мигранты стали боксерской грушей для всех политических партий. Все проблемы, будь они экономическими, социальными или политическими, идут от «гастарбайтеров». Этот феномен ученые наблюдали и в других

регионах мира. Тем не менее, медленное развитие формальных структур и институтов не отменяет неформальные попытки встреч и обсуждений, имеющих отношение к данному вопросу.

Мечети являются центральным местом для социальных, образовательных и политических мероприятий. После молитвы многочисленные группы формируются вокруг активистов, которые пытаются повысить свою осведомленность по некоторым вопросам, кажущимися важными для общественности. В этом контексте вопросы миграции и политики в мусульманском мире обсуждаются и открыто дискутируются. Эти группы имели решающее значение в формировании мнения и сознания людей. Порой такие важные лидеры, как Эшони Нуриддинджон или политические лидеры, как Мухиддин Кабири (лидер Партии исламского возрождения Таджикистана) приглашают мигрантов поговорить. Они используют мечеть в качестве одного из возможных мест для встречи и, таким образом, показывают, что ислам объединяет людей в социальном и политическом плане. Такие встречи участники снимают на фото и видео и сразу распространяют с помощью мобильных телефонов и, следовательно, охватывают значительную часть мигрантских общин. Таким образом, смысл этих встреч доходит даже до тех, кто работает на базарах или на строительных площадках и не может присутствовать на таких встречах.

Относительно мало людей участвует в создании политических образовательных центров таких, как Иззат Аман, чья группа встречается каждое воскресенье. Во время этих встреч группа обсуждает новые законы в Таджикистане, нынешние политические методы и политические события в других странах. Хотя на этих встречах ислам не является центром политических дискуссий, ислам обеспечивает основу для общего духа. Поэтому группа из примерно 15 человек

вместе молится во время встреч. По словам лидера этой группы, ислам является моральным клеем, который держит людей вместе; он считает, что сегодня ни одно политическое изменение в Центральной Азии не произойдет, если не будет основываться на исламе как на нравственном фундаменте; люди накопили слишком большой негативный опыт с коммунизмом, демократическими обещаниями и другими формами современного общества.

В то время как Иззат Аман собирает большие аудитории для обсуждения таких идей, большинство мигрантов боятся заниматься политической деятельностью и предпочитают рассматривать ислам как общественный и индивидуальный ресурс. Это связано с политическими событиями в регионе и давлением на ислам со стороны некоторых режимов в Центральной Азии. Любое политическое изменение на родине имеет непосредственное влияние на мигрантов. Так, с 2010 года правительство Таджикистана провело массовую кампанию против религиозного образования за рубежом, что вынудило тысячи молодых людей прервать свое образование в странах с мусульманским большинством и переехать в Россию (а не в Таджикистан, где они могли подвергнуться преследованию). Россия является сегодня главным «центром» для мигрантов, которые планируют и финансируют свои поездки в мусульманский мир. Россия не помогает этим мигрантам в мобилизации необходимых средств для их образования, в то время как их целью является уже не Таджикистан, а другие мусульманские страны по их выбору.

Заключение

Во введении я упомянула двойные стандарты, которые применяются к исламу в России. Они также отражаются в общинах мигрантов, которым, с одной стороны отведена роль жертвы в политике, где ислам

используется, чтобы преобразовать унизи-тельные условия и привить порядок среди повсеместного отсутствия порядка и безопасности. С другой стороны, мигранты приезжают из хаотичной среды, чтобы реализовать свои собственные интересы в религиозном образовании.

Мигранты в России постоянно находятся в движении: люди циркулируют, меняют работу, реагируют на изменения, избегают небезопасных рейдов полиции, адаптируются к экономическим сдвигам, и в конечном итоге, покидают Россию и возвращаются домой к своим семьям или отправляются в мусульманские страны для дальнейшего обучения или работы. Религиозная община верующих не является абсолютной. Интенсивность, с которой мигранты идентифицируют себя с исламом или практикуют свою веру, быстро меняется. Но ислам, безусловно, является одним из самых важных ресурсов для самооценки и для оценки социальных отношений, будь то с русскими,

православными, мусульманами, или любой другой группой.

Программа изучения Центральной Азии нацелена на развитие научной и аналитической работы по изучению современной Центральной Азии. Программа также предоставляет площадку для дискуссий, объединяющую политические, научные, дипломатические и деловые круги. Программа придерживается междисциплинарного подхода и представляет различные, иногда полярные взгляды на современное состояние Центральной Азии. Программа нацелена вовлечь коллег из США, Европы, России, Азии и Центральной Азии в совместную работу, продвигая различные формы взаимодействия и совместные проекты.

См. www.centralasiaprogram.org

© Central Asia Program 2014

¹ Благодарю Туйчи Рашидова за перевод.

² Евгений Максимович Примаков, 2008 г. Приветственная речь. «Россия и исламский мир». Стенограмма международной конференции «Россия и мусульманский мир», стенографический отчет Москва, стр.194

³ Роман Силантьев, «Новейшая история ислама в России. (Политический бестселлер)», Москва: Алгоритм, 2007.

⁴ Ю. А. Гаврилов и А. Г. Шевченко. «Ислам и православно-мусульманские отношения в России в зеркале истории социологии», Москва: Институт социологии, РАН, 2010.

⁵ Духовное управление мусульман Советского союза «САДУМ» находилось в Ташкенте (По истории ислама в СССР см. Khalid, A. 1998. *The Politics of Muslim Cultural Reform*. Berkeley: University of California Press; Ro'i, Y. 2000. *Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev*. New York: Columbia University Press; etc.).

⁶ Мусульманское население мира, Ислам в России <http://www.islamicpopulation.com/Europe/RUSSIA/Islam%20in%20RUSSIA.htm>.

⁷ Для сравнения: В Германии с более чем 4 млн мусульман находится около 3000 мечетей.

⁸ Согласно Forum 18, в Москве необходимо иметь от 20 до 30 мечетей для обслуживания мусульманского населения. 26 сентября 2012, RUSSIA: No more mosques for Moscow? By Geraldine Fagan, Forum 18 News Service http://www.forum18.org/archive.php?article_id=1747.

⁹ Tajikistan: the influence of migration on religion. Bruno De Cordier, 22 августа 2011 г.

¹⁰ Hillary Pilkington, *Migration, displacement and identity in post-Soviet Russia* (London: Routledge, 1998).

¹¹ «Исламский фактор» в миграционных процессах в России, Алексей Старостин, кафедра теологии Уральского государственного горного университета, эксперт РСМД, 10 апреля 2012 : http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=298 [last accessed 18 April 2013].

Федеральная миграционная служба России оценила, что из 11.3 млн иностранцев, въехавших в Россию в 2013 г, три млн работают нелегально. Migration and Development Brief. The World Bank 21, 2 октября 2013 <http://siteresources.worldbank.org/INTPROSPECTS/Resources/334934-1288990760745/MigrationandDevelopmentBrief21.pdf>.

¹² Central Asia: Labor Migrants Caught in Russian Politicians' Crosshairs 18 июня 2013 г. <http://www.eurasianet.org/node/67135>.

¹³ Boris Nieswand, *Theorising Transnational Migration. The Status Paradox of Migration* (London, Routledge, 2011).

¹⁴ Каждый раз при посещении главной мечети Москвы (на проспекте Мира) люди сообщали мне, что вели официальные беседы с несколькими людьми, даже небольшими группами молодых солдат.